

ВАЛЕНТИНА КОШКАРЯН (Париж)

Филолог

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОЮ ЖИЗНЬ» Встречи в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа

Узнав о том, что в парижском предместье Сент-Женевьев-де-Буа есть дом, в котором живут русские люди, уехавшие во Францию после 1917 года, я решила во что бы то ни стало найти его, тем более, что поселилась я неподалёку, в соседнем городке Морсан-сюр-Орж. И вот в декабре 1993 года я наконец-то стояла перед этим домом. Войдя в большой двор и осмотревшись по сторонам, увидела на одной из входных дверей табличку на французском языке — «Viveau». Решила, что мне нужно сюда. Постучалась, кто-то за дверью ответил, вошла. В просторном кабинете стояли несколько письменных столов, за одним из них в одиночестве сидела симпатичная пожилая дама — худощавая, элегантно одетая, белоснежные волосы аккуратно уложены. Дама заговорила со мной по-русски, спросила, кто я и что меня сюда привело. Представившись, я протянула ей объявление — маленький прямоугольный лист бумаги, на котором красивым разборчивым почерком написала, что ищу работу воспитательницы, русской няни или учительницы. Мне до этого знакомые советовали: в подобных случаях, если будут спрашивать: «Что вы умеете делать?» — отвечать не задумываясь: «Всё». И этот вопрос не заставил себя долго ждать, дама спросила:

— А что вы умеете делать?

— Вообще-то, я умею всё... — неуверенно и смущённо сказала я и, испытывая неловкость от сказанного, тут же добавила:

— Но по образованию я учительница и несколько лет преподавала в школе русский язык.

После непродолжительной беседы, подумав, дама неожиданно сказала:

— А знаете, мне всегда очень хотелось брать уроки русского языка, но на это никогда не хватало времени. Да и учителя профессиональные как-то не попадались, всё студенты неопытные. Я вам позвоню... только не сейчас, не сразу, а после праздников. Конец года, много дел... Подумаю и позвоню.

Я поняла, что больше злоупотреблять вниманием собеседницы не стоит, и, перед тем как уйти, всё же поинтересовалась:

— Скажите, пожалуйста, а как вас зовут?

— Я Антонина Львовна, княгиня Мещерская.

«Чудеса! — подумала я, — не померещилось ли?!». Княгини и графини с моим советским прошлым как-то не совмещались. Разве что в романах и сказках...

После новогодних праздников, в начале января, когда я уже перестала ждать звонка, меня позвали к телефону. Женский голос в трубке, поздоровавшись, с упрёком спросил:

— Почему вы мне не позвонили? Я куда-то дела вашу бумажку и только что совершенно случайно её нашла. Вы мне нужны, я хочу брать уроки русского языка. Не могли бы вы прийти? Нам нужно поговорить.

В тот же день Антонина Львовна угощала меня в своём рабочем кабинете красным «порто». Мы продолжили наше знакомство в непринуждённой обстановке и договорились о предстоящих уроках. Позже я узнала, что княгине тогда было 85 лет.

— Больше сорока лет я управляла этим домом, — сказала Антонина Львовна, потом директором стала моя невестка, жена моего сына, Элизабет. Она тоже будет брать у вас уроки, я с нею поговорю.

— Вы станете моей первой ученицей во Франции, — заметила я гордо.

— Дай Бог, чтобы не последней! — ответила она шуточно, и мы рассмеялись.

По-видимому, Бог услышал её слова и сделал так, что впоследствии я стала преподавать в университетах Парижа и Ниццы. Антонина Львовна была очень старательной и внимательной ученицей. Искренне, как ребёнок, удивлялась, когда в окончаниях прилагательных, в таких словах, как «синяя, нижняя», нужно было писать дважды букву «я»:

— Как?! — восклицала она, — два раза «я»? Можно так писать?!

— И можно, и нужно, — отвечала я с улыбкой. — Антонина Львовна, зачем вам учиться писать? Вы хорошо говорите по-русски, да и пишете тоже прилично.

— Что вы! Я делаю ошибки, а мне нужно научиться писать грамотно. Ведь мне часто присылают письма из России, иногда пишут священники, и я должна им отвечать.

Уроки и последующее общение очень сблизили нас, и я узнала, что княгиня Антонина (Антуанетта) Львовна Мещерская, урождённая де Геенёк де Буаю¹, русских корней не имела вовсе и была самой настоящей француз-

женкой, но, как оказалось, с большой русской душой. Выйдя замуж за князя Мещерского, белого эмигранта, с которым, нужно сказать, прожила совсем недолго, она полюбила всё русское, выучила язык, приняла православие и преданно служила русской культуре всю жизнь. Русский дом был основан её свекровью, княгиней Верой Кирилловной Мещерской, урождённой Струве, о чём посетители Русского дома могут прочитать на мемориальной мраморной доске, установленной на стене парадного салона: «В память княгини Веры Кирилловны Мещерской, основавшей Русский дом 7 апреля 1927 года. Княгиня Вера Кирилловна открыла Русский дом благодаря щедрому дару Дороти Пэджет, она создала убежище для престарелых русских. Её же трудами в доме была сооружена русская православная церковь. Самоотверженно посвящая себя заботам о Русском доме, княгиня управляла им с твёрдостью и любовью в продолжение 22 лет. Она почилла в этом доме 17 декабря 1940 года. Кто не имел счастья лично знать и любить покойную княгиню, пусть, прочтя эти строки, вознесёт молитву к Господу о вечном упокоении её светлой души».

Княгиня Вера Кирилловна, попав в эмиграцию, открыла в Париже вместе со своей сестрой пансион для благородных девиц. Одна из её воспитанниц, англичанка мисс Дороти Пэджет, неожиданно получила большое наследство и решила помочь своей любимой наставнице, захотела подарить ей дом. Княгиня отказалась, сказав, что они с сестрой ещё молоды и в состоянии сами заработать на жизнь. Но добавила, что неплохо было бы помочь пожилым русским эмигрантам, которым некуда деваться. Англичанка загорелась этой идеей, купила старинный особняк, который мы сейчас называем Русским домом, и вплоть до Второй мировой войны помогала содержать его. Мне рассказывали, как однажды мисс Дороти решила устроить праздник пожилым обитателям Русского дома и на новогоднюю ночь арендовала для них номера в гостинице в центре Парижа на набережной Сены. Она хотела, чтобы русские беженцы имели возможность полюбоваться праздничным салютом и чтобы за ужином им прислуживали лакеи в белых перчатках. Сейчас в честь Дороти Пэджет названа улица, ведущая к дому.

Антонина Львовна стала постепенно приобщать меня к жизни Русского дома. Я неожиданно попала в какой-то параллельный мир — в этом Зазеркалье были свои порядки и говорили на другом русском языке, более мелодичном и мягком.

— Валантина, — говорила княгиня, произнося на французский манер моё имя (она хорошо владела языком, но говорила с акцентом), — почему русские, которые приезжают сейчас из России, говорят как-то резко, грубо? Вас я хорошо понимаю, а их мне трудно слушать, как будто стреляют.

Видимо, за годы работы в школе, где я преподавала русский язык как иностранный, у меня появилась привычка говорить медленно и чётко выговаривать каждое слово. А здесь я стала привыкать к плавной речи

эмигрантов. Княгиня обращалась ко мне со словами «душка, душечка», Николай Александрович Тиран (с такой грозной фамилией) называл меня «дусей» или «утешительницей». Слово «княгиня» по-французски звучит как «принцесса», и французский персонал дома, соблюдая законы иерархии, обращался к ней со словом «princesse», русские эмигранты говорили ей «княгиня», только я — по имени и отчеству. По воскресеньям я ходила на службу в церковь Русского дома.

— Почему вы обращаетесь к княгине по имени и отчеству? — упрекнула меня одна из прихожан.

— Потому что она мне так представилась во время нашего знакомства, — ответила я.

Познакомившись с некоторыми из пожилых жителей дома, я почувствовала, что им как воздух необходимо общение друг с другом. Вскоре мы объединились в условно названный нами «русский кружок» и стали регулярно собираться раз или два в неделю. Лишь спустя годы я поняла, как мне тогда повезло — судьба свела меня с такими людьми, и они не оттолкнули меня, приняли в свой духовный союз.

Мы собирались в каком-нибудь укромном уголке, я задавала им наводящие вопросы, предлагала вспомнить что-нибудь из русской классики. Они любили слушать, как я читала в лицах одноактные комедии Чехова, «Анну Каренину» прочла всю от начала до конца. Слушали внимательно, сопереживали, обсуждали, хотя текст романа им был хорошо знаком. Но самой интересной частью наших встреч были их «живые» рассказы. Каждый из них хранил в памяти свой образ утраченной России и прошёл свой путь в изгнании. Они участливо слушали и дополняли друг друга.

Одним из первых наших рассказчиков стал Борис Николаевич Лосский², сын известного философа, высланного на так называемом «философском пароходе». Он жил в Русском доме со своей женой Надеждой Константиновной с сентября 1993 года. Борис Николаевич в момент эмиграции был ещё мальчиком, рассказывал о том, как они с братом Владимиром, не осознавая всей глубины трагедии, которую переживали их родители, бежали по кораблю, принимая ссылку за увлекательное путешествие.

История семьи Лосских хорошо известна. В ноябре 1922 года вместе с семьями учёных и литераторов, изгнанных за пределы родины как «потенциальные друзья возможных врагов советской власти», Б. Н. Лосский покинул с родителями Петербург. Первые годы изгнания жил в Праге, потом учился и получил высшее образование в Париже, в Сорбонне и Школе Лувра. Принял французское гражданство, в 1939 году был мобилизован, попал в плен и провёл пять лет в лагере для военнопленных в Австрии. С 1945-го по 1947-й год занимал пост «офицера по делам искусств» при французском правительстве в Инсбруке, затем служил хранителем музеев

в городах Тур, Амбуаз и Ришельё, с 1965-го по 1970-й год был хранителем национального дворца-музея в Фонтенбло.

Борису Николаевичу было о чём вспомнить и рассказать. Он начал с воспоминаний о далёком детстве, о бабушке — основательнице известной в дореволюционном Петербурге «Стоюнинской гимназии»³. И мы, его слушатели, словно перемещались вместе с ним во времени и пространстве, становились его попутчиками. И такие мельчайшие подробности выплывали из лабиринтов его памяти, что слушали и диву давались, как можно всё это помнить!

В «День открытых дверей», который во Франции устраивается раз в год, Борису Николаевичу как историку и искусствоведу поручалось вести экскурсию по Русскому дому. Он рассказывал приезжавшим историю дома, говорил о происхождении царских портретов и бюстов, украшавших салоны, о сохранившихся здесь царском троне и старинной мебели. Всё это после официального признания Францией советской власти передал в Русский дом и тем самым спас от уничтожения представитель временного правительства в Париже В. А. Маклаков.

В парижской газете «Русская мысль» Борис Николаевич так описывал обстановку Русского дома: «Кроме царских портретов, украшающих парадный зал, в правом углу под иконой Богородицы стоит императорский трон, тонко вырезанный из дерева эбенистами середины прошлого столетия, с позолоченными на белом фоне рельефными извивами, с обитыми пунцовым бархатом сиденьем и спинкой, с рельефным изображением российского двуглавого орла, увенчанного тремя коронами.

С памятью Николая I красноречиво связан его великолепно исполненный в начале 1850-х годов портрет с подписью Н. Krüger, на котором император изображён в достоинстве главы придворного полка кирасиров.

Там же стоит покрашенный чёрным слепок с бюста последнего государя работы знаменитого в начале века скульптора М. Антокольского, а над ним поколенный пастельный портрет последней государыни, сделанный в год её свадьбы 11 ноября 1894 года, в подвенечном платье, ещё в бытность её принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской»⁴.

Однажды жители дома поехали на концерт. Машины, которые привезли их слушать камерный хор, вытянулись в длинную автоколонну, напомиравшую свадебный кортеж.

— Дело в том, что мы люди немного странные, мы одновременно и русские, и французы, — сказал в своей речи сын княгини Мещерской Жан де Буаю, который был тогда мэром города Бретиньи. Он вручил золотую медаль города руководителю хора «Воскресенье», приехавшему на гастроли из Москвы.

После официальной части началось общение, встреча зрителей с артистами. «Странные французы» жаждали встречи с земляками из России.

— Позовите кого-нибудь из Петербурга! — слышалось с одной стороны.

— А мне кого-нибудь из Москвы! — звучало с другой.

— А из Сибири есть кто-нибудь?

Из Сибири никого не нашлось, но у одного из артистов был дед сибиряк. Завязался оживлённый разговор, обмен адресами. Я подумала: «А вот и долгожданная встреча прошлого с настоящим». Неподалёку сидел в инвалидной коляске Николай Александрович Тиран, с ним разговорились два певца, один из них спросил:

— А сейчас вы вернулись бы в Россию?

На лице Николая Александровича появилась по-детски стеснительная улыбка, он опустил глаза, задумался. Вопрос повис в воздухе. Молодой человек ждал ответа с нетерпением и любопытством, уверенный, что сегодня в России всё изменилось и нельзя не захотеть вернуться! Но Николай Александрович молчал. В затянувшуюся паузу он мог бы рассказать, что той России, из которой «первые» русские эмигранты уехали когда-то, уже нет. Туда нельзя вернуться, как невозможно повернуть реку вспять. Пришлось бы начать рассказ с того, как ждали возвращения, «сидя на чемоданах», в самом начале эмиграции, как старались выжить на чужбине, жили бедно, брались за любую работу и создавали свою «эмигрантскую Россию», как верили, надеялись и любили её и постепенно становились «странными людьми», пускали во Франции корни, и что теперь у них здесь не только дети, внуки и правнуки, но и свои могилы. Николай Александрович мог бы ответить на трудный вопрос словами из песни своего кумира, любимого эмигрантами певца Александра Вертинского: «Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой. / Мы жили тогда на планете другой. / И слишком устали мы, / И слишком мы старые, / И для этого вальса, и для этой гитары».

— Спасибо вам за то, что вы так любите Россию, — сказала на прощанье одна из певиц хора.

— Не забывайте нас, приезжайте в Сент-Женевьев-де-Буа, когда будете во Франции, — сказала я и подумала: «Ведь старость — это всегда одиночество, независимо от того, беден ты или богат, есть у тебя родственники или нет».

Однажды Николай Александрович, постоянно присутствовавший на наших чтениях, обратился ко мне с просьбой:

— Не могли бы вы мне помочь разобрать один из моих чемоданов с книгами? Я лет десять его не открывал и уже забыл, что там.

Николай Александрович был частично парализован и передвигался в инвалидной коляске. После литературного кружка мы пришли в его комнату и стали рассматривать содержимое чемодана. Среди книг лежала старая картонная папка, на которой перьевой ручкой кто-то написал: «Княгиня Д. Н. Косаткина-Ростовская. Мой путь служения Театру».

— Что это? — спросила я.

— А... это воспоминания одной дамы...

Он рассказал о том, как его дядя, Александр Тиран, познакомился в Русском доме с вдовой князя Косаткина-Ростовского, а затем женился на ней.

— Я навещал дядю, и однажды дама отдала мне свои воспоминания, попросила найти издателя, который согласился бы их напечатать. Я попытался исполнить её просьбу, но ничего не получилось — кому интересна чужая жизнь? К тому же рукопись на русском языке. С тех пор папка так и осталась у меня. Дядя давно умер, а княгиня после его смерти ещё долго жила, кажется, ей было больше ста лет.

— А где они похоронены?

— Дядя мой здесь, в Сент-Женевьев-де-Буа, а княгиня — даже не знаю. В первое время после смерти дяди я навещал её, но потом и сам состарился, не помню... Возьмите эти воспоминания, если хотите, почитайте в нашем кружке. Может быть, вам больше повезёт, чем мне, и вы сможете найти издателя, опубликуете, выполните данное мной обещание.

Открыв папку, я обнаружила более четырёхсот страниц текста, отпечатанного на машинке по старой русской орфографии. На титульном листе была дата: «27 марта 1943 года», на последних страницах описывались события конца Второй мировой войны. Я окунулась в мир занимательной рассказчицы, жизнь которой для меня, тоже эмигрантки и беженки⁵, не казалась «чужой». Из первых строк узнала, что Дина Никитична Кирова — в замужестве княгиня Косаткина-Ростовская — родилась в крестьянской семье. В начале века добилась успеха на петербургской сцене, а в конце 20-х годов основала в Париже русский театр. Листая пожелтевшие страницы, я думала о том, какая интересная и незаурядная личность оставила эти записи.

— Помните ли вы жительницу вашего дома Дину Кирову? Она была артисткой и основала в Париже русский театр. — спросила я у Антонины Львовны.

— Нет, что-то не припоминаю.

Я решила начать поиски с кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа. Но здесь в журналах фамилии Кировой не было, нашлась только могила её мужа князя Ф. Н. Косаткина-Ростовского. На простом цементном кресте я прочитала: «Поэт князь Фёдор Косаткин-Ростовский, 14 ноября 1875 — 22 июля 1940». Выше проволокой была прикручена маленькая чёрная дощечка с загадочно лаконичной надписью: «Е. Туган — 1982» — и всё! Почему указана всего одна дата? Кто бы это мог быть, и какое отношение имеет Е. Туган к князю Косаткину-Ростовскому? Ответов на свои вопросы я не находила. По записям установить личность Е. Туган не удалось, но внутренний голос подсказывал: «это она — Дина Кирова». Я вновь вернулась к этой теме в разговоре с княгиней Мещерской, но на этот раз задала вопрос иначе:

— Не помните ли вы господина Тирана, он жил в Русском доме?

— Конечно, помню. И даже очень хорошо помню, потому что он просил меня быть посажёной матерью на его свадьбе, а я долго не соглашалась.

— Почему?

— Потому что он был старше меня лет на двадцать! Вот мне и не хотелось. Тогда он даже встал на колени, чтобы уговорить меня. Пришлось согласиться.

— И что, была настоящая свадьба?!

— Конечно! В Русском доме всякое бывало, эти стены помнят многое — вся эмиграция через этот дом прошла. Если эмигранты сами не жили здесь, то навещали знакомых или родственников. Бывали артисты с концертами. Раньше ведь сюда приезжали жить довольно молодыми, в шестьдесят лет.

Антонина Львовна предоставила мне все необходимые сведения из картотеки Русского дома. Выяснилось, что Е. Тугап — это Евдокия Тиран, урождённая Кирова, родилась 31 июля 1886 года в Осташкове Тверской губернии. Во Франции с 1923 года, в Русском доме поселилась в 1946 году. Овдовев в 1940 году, вышла замуж за А. Тирана в 1963 году, умерла 8 июля 1982 года, похоронена в могиле князя Косаткина-Ростовского в Сент-Женевьев-де-Буа.

В 1948 году был опубликован сборник стихов князя Косаткина-Ростовского «Крестным путём к воскресению», там есть сноска: «Д. Н. Кирова готовит книгу „Мой путь служения Театру“»⁶. Значит, книга эта так и не была издана и рукопись пролежала у Николая Александровича до нашей с ним встречи больше 40 лет.

Воспоминания, написанные живым и образным языком, были прочитаны нами несколько раз. Их можно было с увлечением читать, открыв на любой странице. Я стала собирать сведения об авторе, о парижском Интимном Театре, и наконец в 2006 году книга воспоминаний Дины Кировой «Мой путь служения Театру» была издана⁷.

Надежда Константиновна Лосская была самым активным членом нашего кружка, всегда суежилась, помогала мне собирать людей в дни наших собраний. Как-то она сказала, что хочет представить меня одной новой жительнице дома. Ею оказалась Зинаида Алексеевна Шаховская⁸, известная писательница и журналистка, в прошлом главный редактор «Русской мысли». Она была очень любезна со мной, подарила свою книгу воспоминаний «Отражения», но, как только я заикнулась о «русском кружке» и попыталась позвать её посидеть с нами, разозлилась, топнула ногой и замахала руками:

— Никаких собраний, никого видеть не хочу! Я напишу на дверях: «злая собака», чтобы меня никто не беспокоил!

Испугавшись такой реакции, я стала её успокаивать, сказала, что ухажу, и даже подаренную книгу поставила обратно на полку. На что она ещё больше рассердилась и закричала:

— Что вы делаете!?! Заберите сейчас же!

И действительно, ведь это был подарок. Я взяла книгу и скрылась за дверью, решив для себя, что больше никогда в эту комнату не войду.

Примерно через неделю секретарь Русского дома сказала мне, что госпожа Малевская-Малевиц (фамилия Зинаиды Алексеевны по мужу) просит зайти к ней. Я подумала, что секретарь ошиблась, и ответила шутя:

— Госпожа Малевская хочет меня видеть, чтобы сказать, что не хочет меня видеть?

Решила проверить информацию через Надежду Константиновну — всё подтвердилось, и я, не без страха в душе, пошла в гости. На этот раз меня встретил совершенно другой человек. Зинаида Алексеевна вся радостно светила, обласкав меня, подарила ещё одну свою книгу «В поисках Набокова».

— Душечка, приходите ко мне, когда хотите, в любое время дня и ночи. Я выбрала вас из толпы, которая ходила с поздравлениями по коридору. Вы одна среди этих унылых лиц (здесь она ввернула словечко покруче) сияли такой солнечной улыбкой!

И действительно, по большим праздникам я ходила с группой людей, которые вместе со священником поздравляли постояльцев, не пришедших на службу в церковь по состоянию здоровья.

— Зинаида Алексеевна, получается, вы выбирали меня по зубам, как лошадь? — пошутила я.

Мы виделись почти каждый день, она могла позвонить мне даже в 5 часов утра. Несмотря на то, что ей трудно было ходить, и передвигалась она, в основном, в инвалидном кресле, иногда мы совершали вылазку в близлежащий ресторанчик — ей хотелось сменить обстановку. Через некоторое время Зинаида Алексеевна начала приходить на наши собрания в «русский кружок», и, конечно же, стала главной нашей рассказчицей. Она вспоминала о своём детстве в России, о том, как ребёнком ловила с детьми раков в пруду: «Опустишь руку в воду, а рак тебя как цапнет за палец! Тут ты и ловишь его». Потом в лихие 1917–1918-е годы одиннадцатилетняя Зина на несколько месяцев осталась одна в родительском имении, в Матово под Тулой. В доме была только прислуга, но девочка ничего не боялась и выходила гулять далеко за пределы имения в сопровождении дворовых собак.

Обитатели Русского дома всегда интересовались моей жизнью и знали обо мне всё, ну, или почти всё. Я тогда преподавала в Институте восточных языков, устраивала студенческие вечера, ставила спектакли. Однажды Зинаида Алексеевна заметила, что я чем-то огорчена. Пришлось рассказать о том, что некоторые из коллег, которым я, видимо, мешаю спокойно жить, строят против меня козни.

— Душенька, завидуют... А ты будь дипломатом, переводы разговор на другую тему, отшучивайся и улыбайся, — советовала она по-матерински.

— Пробовала, не помогает...

— Если не помогает, смело подойди и дай по морде! — Мы рассмеялись.

Однажды Зинаида Алексеевна сказала, что её хочет навестить писатель Николай Боков, которого она когда-то первая заметила, оценила как

журналиста и пригласила работать в «Русскую мысль». Объявила, что это будет последняя официальная встреча, на которую она согласилась, и поэтому я должна воспользоваться случаем и научиться брать интервью. Решив дать мастер-класс по журналистике, она вооружила меня диктофоном, поручила подготовиться к встрече, продумать вопросы и прийти пораньше. Мы ждали Бокова, он сильно запаздывал. Когда напряжение от ожидания достигло своего апогея, вдруг раздался телефонный звонок. Зинаида Алексеевна была уже взвинчена до предела, из разговора я поняла, что посетитель заблудился и спрашивал у неё, как найти Русский дом. Тут она вспыхнула не на шутку:

— И вы ещё спрашиваете у меня — древней старухи, — где этот паршивый дом находится!?

Наконец в дверях появился Боков, он пришёл в сопровождении француженки по имени Анжелика — я впоследствии шутила: «Боков с ангелом приходил». Гнев Зинаиды Алексеевны сменился на милость, и она начала обхаживать гостей. Я, включив диктофон, задавала вопросы Бокову, который принёс в подарок свою последнюю книгу. В какой-то момент он начал сам задавать вопросы, видимо, не понимая, кто я и что здесь вообще-то делаю. Отвечая ему, я стала рассказывать что-то о себе.

— Ты должна задавать вопросы и слушать, сейчас речь не о тебе, — обрвала меня моя наставница.

Но через некоторое время все условности были отброшены, и Зинаида Алексеевна рассказывала, что считает себя прямым потомком княгини Рогнеды, гордой и непокорной жены великого князя Владимира. Киевский князь взял в жёны Рогнеду силой, против её воли, убив на глазах у девушки двух её братьев и отца. Даже спустя годы Рогнеда не смирилась и попыталась отомстить мужу, предприняв неудачную попытку убить его. Великий князь за столь дерзкий поступок приказал казнить непокорную жену, но она осталась жить благодаря собственной мудрости. Рогнеда подговорила уже подросткового сына, и он вышел к отцу с кинжалом в руках, став на защиту матери. Зинаида Алексеевна рассказывала эту притчу, считая, что некоторые черты своего характера унаследовала от великой гордой княгини.

Когда весной 1999 года самолёты НАТО бомбили Сербию, Зинаида Алексеевна очень переживала:

— И как только русские могут такое допустить!?! Ведь сербы наши братья! Была бы я на несколько лет моложе, уже была бы там, — говорила она дрожащим голосом и со слезами на глазах.

Сербия стала одной из первых стран, протянувших братскую руку помощи эмигрантам «первой волны», а такое забывать нельзя.

Получив приглашение на международный colloquium, который проходил в Париже, Зинаида Алексеевна продиктовала мне обращение к его участникам.

«Эмиграция — удивительная вещь, — читала я от её имени. — Она обществу совершенно необходима, как особый вид сопротивления в защиту

высших ценностей. А высшая ценность — это прежде всего величие человеческой личности, которое даёт ему возможность даже и умирать достойно, защищая Правду. Это один из признаков свободы человека и его величия — защищать Правду. Бороться за это надо до конца, даже на смертном одре, стараясь, чтобы последние слова были в защиту Правды. <...> Эмиграция окончилась, но она не забыта, и теперь о ней упоминается всё чаще и чаще в связи со всем, что за нею последовало. И мне, осколку русской эмиграции, хотелось, чтобы все о ней знали и помнили»...

«Добро пожаловать в мою жизнь», — написала Зинаида Алексеевна на одной из подаренных мне книг. Детей у неё не было, жить одна она уже была не в состоянии — здоровье не позволяло. Уехав в Русский дом за тридцать километров от Парижа, она потеряла свой привычный уклад жизни, друзья не могли навещать её так часто, как хотелось бы. В прошлом военный корреспондент, участница движения Сопротивления, она не хотела мириться с плавно текущей жизнью среди пожилых людей, винила своих племянников в том, что устроили её сюда, и «вышла на тропу войны» с дирекцией дома. Гордая княжна⁹, десять лет с твёрдостью и мудростью управлявшая парижской газетой «Русская мысль», привыкшая сама принимать решения, не могла смириться с тем, что теперь решать за неё должны другие.

Она «уходила» из Русского дома трижды. В первый раз её увезли друзья, но через некоторое время вернули. Потом Зинаида Алексеевна уговорила знакомого батюшку отвезти её в Париж. Этот тайный «побег» закончился тем, что, растерявшись и не зная, как быть дальше, батюшка оставил её в полицейском участке — администрация, отвечавшая за безопасность своих жильцов, искала беглянку всю ночь.

По прошествии какого-то времени Зинаида Алексеевна всё-таки добилась от одного из своих племянников (Ивана Набокова, который в первое время довольно часто навещал тётю и занимался её делами), чтобы он перевёл её в другой старческий дом, на её взгляд более престижный. Мы вышли провожать Зинаиду Алексеевну, уезжавшую с торжествующим видом победительницы. Она уехала на шикарной машине, которую подогнал племянник, и... буквально через неделю была опять здесь.

— Зинаида Алексеевна, зачем вы вернулись!? Вы же так хотели уйти, и вам нелегко было это устроить!? — недоумевала я.

— Душечка, — махнула она рукой, — везде одно и то же... всё те же казённые рожи...

От «прогулки» и новых впечатлений она, казалось, посвежела и воспряла духом, но причина такой перемены скрывалась в другом... Убедившись в том, что в Русском доме её силой никто не держит, но деваться некуда и прежнюю привычную жизнь уже не вернуть (муниципальную квартиру, в которой она жила долгие годы до переселения в Русский дом, уже забрали), Зинаида Алексеевна решила самостоятельно, без постороннего вмешательства, завершить дела земные, чтобы спокойно отойти в мир

иной. Первым делом она пригласила на серьёзный разговор княгиню Мещерскую, к которой, нужно сказать, относилась уважительно, после чего стала ходить по воскресеньям в церковь Русского дома, а потом устроила свой «последний», как она подчёркивала, день рождения, на котором сама же всем раздавала подарки.

Зная, что в университете я работаю с Ренэ Герра, французским славистом, знатоком русского эмигрантского искусства, Зинаида Алексеевна сказала:

— Сейчас мне нужен такой человек, как Герра; передай, что я хочу с ним встретиться, пусть придёт.

Когда-то они работали вместе над «Русским альманахом», изданным в 1981 году, потом Герра помогал Зинаиде Алексеевне устроить в Париже выставку картин её мужа, дипломата и художника, Святослава Малевского-Малевича. Но однажды они поругались и, по словам Герра, «чуть не подрались». В ответ на приглашение профессор долго посылал Зинаиде Алексеевне приветы, говорил с «Зикой, Зикудей» по телефону, но в гости не торопился — как мне показалось, он не только ценил и уважал её, но и слегка побаивался.

— Паршивец, не хочет навестить старуху перед смертью! — начала возмущаться Зинаида Алексеевна.

Наконец встреча состоялась, и после разговора, в присутствии персонала Русского дома, Зинаида Алексеевна передала Герра портрет своего мужа Святослава Малевского-Малевича работы Анны Старицкой, который висел в её комнате. Так она сама позаботилась о судьбе «Светика», как ласково звала она мужа, а мы наблюдали трогательную сцену её прощания с портретом.

Иногда неразборчивым, изменённым старческим почерком Зинаида Алексеевна писала мне небольшие и очень трогательные записки. Вот одна из них: «Валентина, будь всегда верна *своей собственной правде*, всё остальное не имеет значения. <...> Ты была для меня лучом света в этом тёмном царстве. Зинаида».

— Почему ты никогда мне не пишешь? — упрекнула меня как-то она.

— Зинаида Алексеевна, мы же с вами видимся почти каждый день! — удивилась я. Но потом поняла, что для неё — писательницы — слово написанное важнее и дороже слова сказанного.

У меня хранится библиотечка — собрание сочинений Зинаиды Алексеевны. Она писала по-французски и по-русски под псевдонимом Жак Круазе и под своей девичьей фамилией — Шаховская. В некоторые книги вложены пожелтевшие вырезки из газет, на страницах пометки, сделанные её рукой. «Я с необычайной смелостью писала и говорила, что думала», — признаётся Зинаида Алексеевна, и это действительно так.

Хотелось бы завершить рассказ о русской княжне с героической судьбой строками из её стихов: «И в страшный час земной разлуки / Благо-словенно бытие, / Прими, Христос, пустые руки / И сердце полное моё».

Остаётся только поблагодарить судьбу за то, что однажды привела меня сюда, в этот уголок русской культуры, дала возможность пообщаться с последними «белыми» эмигрантами, вернее, с теми, кто уехал ещё в детском возрасте, — старшее поколение я уже не застала. Здесь в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа я встретила тех, кому «белые на синем ночью о России снятся сны», видела воочию, как цветёт бунинская «роза Иерихона» — живёт Память.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Княгиня Антонина Львовна Мещерская (урожд. Antoinette de Guéhéneuc de Voishue) — родилась 28 ноября 1908 года в городе Лаваль (Франция), скончалась в Сент-Женевьев-де-Буа в конце декабря 2008 года, прожив, со слов её сына, «ровно сто лет, один месяц и один день». С 1949 года и до последних дней жизни княгиня руководила Русским домом, была президентом Ассоциации помощи русским беженцам во Франции, кавалером ордена Почётного легиона.

² Б. Н. Лосский (1906–2001) — французский искусствовед, историк архитектуры, мемуарист, кавалер ордена Почётного легиона, сын выдающегося русского философа Н. О. Лосского.

³ Гимназия Марии Николаевны Стоюниной, основанная в 1881 году, считалась одной из самых престижных гимназий для девочек, курс обучения в которой соответствовал курсу мужских гимназий.

⁴ Б. Н. Лосский, В. Кошкарян. Сент-Женевьев-де-Буа, уголок дореволюционной России. «Русская мысль» № 4177. Париж, 5–11 июня 1997 г.

⁵ 13 августа 1992 года я поехала из Сухуми в Москву, уезжала на неделю (к сестре), а получилось — навсегда. На следующий день, 14 августа, в Абхазии началась война (грузино-абхазский конфликт) и дорога домой была отрезана линией фронта. Став беженкой и прождав в Москве около года окончания войны, в октябре 1993 года я приехала во Францию (к родственнику), получила здесь беженский статус, потом французское гражданство.

⁶ Кн. Ф. Н. Косаткин-Ростовский. Крестным путём к воскресению. Зарубежный Союз Инвалидов. Париж, 1948. С. 15.

⁷ Дина Кирова. Мой путь служения Театру. Воспоминания. Париж; Нижний Новгород, 2006.

⁸ З. А. Шаховская (по мужу Малевская-Малевич) — поэт, прозаик, критик, журналист. Родилась в Москве 30.08 (12.09) 1906 года в старинной княжеской семье, потомок Рюриковичей, в эмиграции с 1920 года. Во время Второй Мировой войны участвовала во французском и бельгийском Сопротивлении. Работала военным корреспондентом в Германии, Австрии, Греции, Италии. В Париже была в главной редакции французского радиовещания (1961–1964), с 1968 по 1978 год — главным редактором газеты «Русская мысль». Кавалер Ордена Почётного легиона и Командор Ордена Искусств и Словесности. В Русском доме поселилась 19.11.1998, последние несколько месяцев лежала в больнице, где скончалась 08.06.2001 года.

⁹ «Я не княгиня, а княжна, — любила уточнять Зинаида Алексеевна, — потому что родилась в княжеской семье, а не приобрела этот титул в замужестве».